

Игорь ДОБАЕВ, Александр ПОНЕДЕЛКОВ

ТЕНДЕНЦИИ В ЭВОЛЮЦИИ ТЕРРОРИЗМА НА СЕВЕРНОМ КАВКАЗЕ

В статье рассматривается сущность, базовые принципы и современные ответвления ислама, анализируются стадии и тенденции его дальнейшей политизации и радикализации. Подробно исследуется структура исламистских группировок, сформировавшихся в последнее время.

The essence, main principles and modern branches of Islam are considered in the article; stages and tendencies of further politicization and radicalization of Islam are analyzed. Structure of Islamic groups formed in the last period is studied in detail.

Ключевые слова:

ислам, радикализм, ваххабизм, салафиты, терроризм; Islam, radicalism, Wahhabism, Salafist, terrorism.

На Северном Кавказе ислам не является монолитным, а разобщен в рамках существующих направлений (суннизм и шиизм), толков (ханифитский и шафиитский) и идейных течений (традиционализм, фундаментализм, модернизм). При этом самое значимое расслоение на поле идейных течений в исламе наблюдается, прежде всего, по линии традиционализм – фундаментализм. Каждое из этих течений борется за усиление своего влияния на верующих.

Традиционный ислам представляет собой, прежде всего, институционализированное мусульманское духовенство – административно-управленческий аппарат религиозных организаций: духовные управления мусульман (ДУМ), а также подведомственные им структуры (мечети, исламские образовательные учреждения и др.). Эти исламские институты принято считать «официальным исламом», или, что характерно для восточной части региона, «мечетным исламом». На Северо-Восточном Кавказе имеется также и другая институционализированная группа традиционалистов – сторонники «немечетного ислама», представленные многочисленными вирдовыми, или мюридскими, братствами трех суфийских тарикатов (накшбандийа, кадирийа, шазилийа) во главе со своими руководителями – шейхами и устазами.

Отсюда следует, что традиционный ислам в регионе («мечетный» и «немечетный») калейдоскопичен, полон противоречий, что не может не отражаться на настроениях и взглядах простых верующих, большинство которых также можно отнести к традиционалистам. Северокавказский традиционный ислам в основном пребывает вне поля модернизационных процессов, фиксируемых в других «мусульманских» регионах России, прежде всего в Поволжье.

Главным оппонентом и антагонистом традиционалистов в регионе выступают фундаменталисты (салафиты, или неоваххабиты), идеалом которых является возврат к реалиям «золотого века» ислама (период жизни первых трех поколений мусульман, или период, связанный с жизнью и деятельностью пророка Мухаммада и четырех «праведных» халифов) – шариатизация общественной жизни и воссоздание государственного образования в форме халифата. Противостояние традиционалистов и салафитов в итоге привело к повышенной исламизации республик, особенно на Северо-Восточном Кавказе, хотя в первой половине 90-х гг. XX в. власти отмежевывались от поддержки какой-либо из сторон, считая это внутренним делом исламских организаций и их лидеров, якобы занимающихся теологическими спорами. Однако начиная с середины 1990-х гг., во многом благодаря усилиям Духовного управ-

ДОБАЕВ

Игорь

*Прокопьевич –
д. филос. н.,
профессор Южного
федерального
университета,
г. Ростов-на-Дону*

ПОНЕДЕЛКОВ

Александр

*Васильевич –
д. полит. н.,
заслуженный
деятель науки
РФ, профессор
Южно-Российского
института –
филиала РАНХиГС,
г. Ростов-на-Дону
ponedelkov@skags.ru*

ления мусульман Дагестана (ДУМД), где исключительным влиянием пользуются последователи местных ответвлений суфийских орденов накшбандийа, кадирийа и шазилийа, в межконфессиональное противостояние начинают вовлекаться представители федеральных и региональных властных структур, которые взяли курс на борьбу с «ваххабизмом»¹. С принятием в 1999 г. в Дагестане «антиваххабитского» закона светские власти этой, а затем и других северокавказских республик окончательно оформили союзнический альянс с представителями «официального ислама».

Процесс политизации и радикализации ислама на Северном Кавказе последовательно прошел ряд стадий.

1. 70-е – начало 90-х гг. XX в. Первоначально в Дагестане, не без влияния извне, появляются молодежные салафитские группировки, идет процесс осмысления их адептами зарубежного салафитского наследия, а первым «наставником» выступает Магомед Кизилюртовский. Силовые структуры выявляют и «мягко» пресекают деятельность этих группировок.

2. Начало 90-х гг. – 1994 г. Фиксируется воссоздание и практическая легализация дагестанских салафитских группировок, которые осуществляют так называемый салафитский призыв путем создания исламистских кружков, где их участники детально изучают такие понятия, как такфир (обвинение в неверии) и джихад (священная война за веру), в их специфической ваххабитской интерпретации. В этот же период в России при посольствах некоторых мусульманских стран создаются «культурные центры», осуществляется ввоз в страну и распространение исламистской литературы. Одновременно аналогичная литература в массовом порядке начинает издаваться на местах (например, издательство «Сантлада» в с. Первомайское Хасавюртовского района Дагестана). В Россию начинают прибывать миссионеры, проповедники и зарубежные «преподаватели» мусульманских дисциплин, одновременно начинается выезд российской мусульманской молодежи за рубеж для получения исламского образования.

¹ Бобровников В.О. Исламофобия и религиозное законодательство в Дагестане // Центральная Азия и Кавказ, 2000, № 2(8).

В первые два периода основной территорией исламизации выступает Дагестан.

3. Декабрь 1994 г. – начало нулевых годов. Этап характеризуется доминированием Чечни в процессе радикализации северокавказского ислама. Чеченские войны, как и трехлетний перерыв между ними, сопровождались концентрацией в этой республике зарубежных «моджахедов», преимущественно арабов, с серьезной идеологической, финансовой и иной подпиткой со стороны зарубежных исламистских центров. На территории Чечни функционировали специальные учебные центры по подготовке боевиков – самый известный под селением Сержень-Юрт в Шалинском районе, который возглавлял известный зарубежный террорист Эмир Хаттаб, близкий к лидеру «Аль-Каиды» Усаме бен Ладену. В 1998 г. в Чечню из Дагестана переезжают радикальные исламисты со своим лидером Магомедом Кизилюртовским, происходит консолидация зарубежных, чеченских, дагестанских салафитов, а также их единомышленников из других северокавказских республик. В 1999 г. позиции салафитов в Чечне настолько окрепли, что они решились на агрессию в дагестанском направлении, где их боевые структуры были разгромлены.

4. Сентябрь 1999 – 2007 г. Этап характеризуется началом 2-й чеченской кампании, разгромом боевых подразделений сепаратистов, переходом их к партизанской войне. В этот период Чечня остается центром сосредоточения радикальных исламистов, хотя ее лидерами артикулируются еще вполне светские сепаратистские проекты в рамках конструирования так называемой ЧРИ (Чеченская Республика Ичкерия). В этот же период наблюдается процесс «растекания джихада» практически по всей территории Северного Кавказа. Речь идет о распространении идеологии радикального исламизма, институционализации собственных неправительственных религиозно-политических организаций и группировок, появлении и разрастании инфраструктуры джихада (схроны, блиндажи, бункера и т.п.), ведении специфической политической диверсионно-террористической практики, в т.ч. далеко за пределами Северо-Кавказского региона. Происходит трансформация структур боевиков, которая постепенно приобретает сетевой характер.

Значимым на данном этапе представ-

ляется то, что если в 90-х гг. XX в. северокавказские ваххабиты были представлены умеренно-радикальной и ультрарадикальной составляющими, то в ходе 2-й чеченской кампании местная салафийя выродилась исключительно в религиозно-политический экстремизм, на базе которого развилось террористическое движение, прикрывающееся исламским вероучением. Тем не менее умеренные радикалы, хотя и в меньшем количестве, еще присутствуют на Северном Кавказе. Однако власти, не умея или не желая отличать умеренных от ультрарадикалов, осуществляют в отношении них одинаково жесткие силовые меры. Такой подход сокращает и без того узкую прослойку умеренных радикалов, постепенно переходящих на экстремистские позиции.

5. 2007 г. – настоящее время. Пришедший к власти в виртуальной существующей Чеченской Республике Ичкерия новый лидер Доку Умаров объявил о завершении националистического плана построения ЧРИ и одновременно обнародовал новый геополитический проект – «Имарат Кавказ». Согласно ему на Северном Кавказе на исламистских принципах функционирования создается новое государство Имарат Кавказ, управление которым осуществляется по образу и подобию исламских государств прошлого (халифаты). В свою очередь, помимо соответствующих центральных институтов власти и управления, в имарат на правах провинций входят так называемые вилайеты – конкретные республики Северного Кавказа, а в перспективе – и другие регионы России. В свою очередь, указанные вилайеты состоят из секторов, в составе которых действуют первичные исламистские группировки – джамааты, представляющие собой, по сути, диверсионно-террористические группировки, иначе говоря, – банды.

6. Конец первого – начало второго десятилетия XXI в. Наблюдается распространение влияния имарата и его лидеров на другие «мусульманские» территории – Поволжье, Урал и Западную Сибирь, и прежде всего на Татарстан.

7. Последние год-два: появление исламистских группировок в «исламских анклавах» в немусульманских субъектах страны, группирующихся вокруг появляющихся на этих территориях мечетей, что следует считать новейшей тенденцией

в процессе радикализации отечественного ислама, заключающейся в расползании метастаз исламизма по территории страны. Аналогичные процессы ранее имели место в США и некоторых государствах Западной Европы¹.

Совершенно очевидно, что последние 3 этапа радикализации ислама и исламского движения напрямую затрагивают уже не только Северный Кавказ, но и другие регионы России, формируют качественно новую структуру исламистских группировок, подготавливают почву для разработки более грандиозных геополитических планов по преформатированию политического поля страны. Именно поэтому они нуждаются в более подробном осмыслении и описании. Если проигнорировать эту негативную тенденцию, вряд ли можно будет правильно расставить акценты в деле усиления борьбы с этим разрушающим российскую государственность религиозно-политическим явлением.

Итак, 7 октября 2007 г. новый лидер непризнанной Ичкерии Доку Умаров заявил о сложении президентских полномочий и назначил себя верховным правителем – «амиром моджахедов Кавказа», «предводителем джихада», а также единственной законной властью на всех территориях, где есть моджахеды. В перспективе – на весьма обширных и удаленных от Северного Кавказа территориях, вплоть до Татарстана и даже Бурятии². Таким образом, идея национальной независимости была заменена доктриной освобождения от «власти неверных». Как было заявлено, целью создания Имарата Кавказ является установление шариатского правления на всей территории Северного Кавказа³.

По территориальному устройству Имарат Кавказ состоит из ряда входящих в него субъектов – вилайетов (в переводе с турецкого вилайет – область, провинция). Первоначально он был разделен на 6 вилайетов: Дагестан, Нохчий

¹ См. об этом: Добаев И.П. Экстремистские группировки в США: исламский фактор // Мировая экономика и международные отношения, 2007, № 1; он же. Исламизация Европы: миф или реальная угроза? // Мировая экономика и международные отношения, 2008, № 4.

² Новая газета, 2010, № 22, 3 марта.

³ Романченко Н.Е. Институционализация современных радикальных неправительственных религиозно-политических организаций на Северном Кавказе / Южнороссийское обозрение, 2011, вып. № 68, с. 97.

(Чечня), Галгайче (Ингушетия), Иристон (Северная Осетия–Алания), Ногайская степь (Ставропольский край), а также объединенный вилайет Кабарды, Балкарии и Карачая¹. В мае 2009 г. вилайет Иристон был включен в состав вилайета Галгайче. Имарат Кавказ имеет представительный орган – Маджлис уль-Шура, а также разнообразные функциональные структуры, среди которых военное ведомство, спецслужбы, шариатский суд, «министерство» по связям с общественностью и т.д. В достаточной мере независимым от «центрального аппарата» имарата являются сетевым образом оформленные салафитские вилайеты со своими амирами, которые, в свою очередь, не жестко замыкают на себя структуры так называемых секторов, а те – конкретные бандгруппы, которые салафиты именуют джамаатами.

Таким образом, на Северном Кавказе появился крупный, но достаточно автономный сетевой террористический кластер, который с другими аналогичными сетевыми структурами в различных регионах мира объединяет лишь, как правило, общность идеологических положений и целей. Следует отметить, что «сегодня в регионе <...> сложилась разветвленная сетевая террористическая структура, обладающая такими специфическими институтами, как судебная власть (кадии), хорошо отработанной фискальной системой, а также исполнительной властью в лице т.н. «амиров» различных уровней, от «джамаата» – до «Имарата»², а живучесть этой системе придает сращивание идеологии радикального исламизма с северокавказскими традиционными социальными институтами и сложившимися современными общественно-политическими условиями. Не удивительно поэтому, что России в Северо-Кавказском регионе с большим трудом удается выработать адекватные меры противодействия религиозно-политическому экстремизму, противопоставляя террористам мощь государственной машины. Однако обуздать терроризм пока не удается.

Под сильным воздействием извне, в т.ч. с Северного Кавказа, началась радикализация ислама в Поволжье, прежде всего в Татарстане. Здесь уже в 1993 г.

дирекция новообразованного набережно-челнинского медресе «Йолдыз» заключила договор о содействии образовательному процессу с «благотворительной» организацией «Тайба» из Королевства Саудовская Аравия. Как следствие, медресе было превращено в центр по подготовке религиозных радикалов. Результат не замедлил сказаться: осенью 1999 г. выпускник этого медресе Денис Сайтаков оказался в числе организаторов терактов в Москве. Позднее другие учащиеся медресе оказались причастными к нескольким подобным акциям. Кроме того, были обнаружены факты сотрудничества руководителей этого учебного заведения с чеченскими «полевыми командирами» Басаевым и Хаттабом, которые предоставляли учащимся «Йолдыза» возможность пройти соответствующую «практику» в Чечне³. В начале нулевых годов аналогичные структуры молодых радикалов были обнаружены в Альметьевске, Нижнекамске, Кукморе и в других населенных пунктах Татарстана⁴.

Как подчеркивает татарский исламовед Р. Сулейманов, «новейшая история исламского терроризма в Татарстане началась с первых терактов на газопроводах в 2003–2005 годах в сельских районах. Затем в республике появились свои “лесные” – боевики в Нурлатском районе Татарстана, где вооруженная банда фундаменталистов постаралась организовать подполье в местном лесу по типу северокавказского»⁵. Действительно, 25 ноября 2010 г. в Нурлатском районе Татарстана силами МВД республики при личном участии министра внутренних дел РТ генерала А. Сафарова была ликвидирована вооруженная банда боевиков, намеревавшихся создать в лесистой части закамской зоны республики свою опорную базу⁶. Именно тогда стало окончательно ясно, что в Республике Татарстан возникли устойчивые группы радикальных салафитов, при

³ Аргументы и факты. Регион, 2000, № 4, 5.

⁴ Силантьев Р.А. Распространение ваххабизма в современной России // Вестник Челябинского государственного университета. Вып. 16(154). История, 2009, с. 168–169.

⁵ Сулейманов Р. Исламский терроризм в современном Татарстане: ваххабизм на практике // Агентство политических новостей, 2012, 25 июля.

⁶ Сулейманов Р.Р. Ваххабизм в Татарстане в постсоветский период в свете влияния внешних факторов // Проблемы национальной стратегии, 2013, № 1(16), с. 177.

¹ Боброва О. Имарат Кавказ. Государство, которого нет // Новая газета, 2010, № 22, 3 марта.

² Там же.

этом обнаружилась непосредственная взаимосвязь между ними, этнонационалистами и представителями криминального мира.

В том же 2010 г. лидер северокавказских радикальных исламистов, амир Имарата Кавказ заявил о появлении вилайета Идель-Урал, который охватил территорию современного Поволжья и Урала¹. Вслед за этим появляется бандподполье со своим амиром вилайета. Следствием длительного процесса институционализации подполья стал рост числа салафитов, их структурное оформление. По мнению экспертов, сегодня в Татарстане насчитывается около 3 тыс. салафитов и салафитствующих². Однако их число неуклонно пополняется: только в Саудовской Аравии обучаются 120 татар, а в 2011 г. без уведомления ДУМ РТ в эту страну, родину ваххабизма, отправившись еще 20 чел.³ Ситуация резко усугубляется: в январе 2012 г. в дер. Мемдель Высокогорского района Татарстана была обнаружена домашняя лаборатория по производству взрывчатки и «поясов шахида»⁴, а 19 июля 2012 г. в Казани был ранен муфтий Татарстана И. Фаизов и убит его заместитель В. Якупов, возглавлявший учебный отдел Духовного управления мусульман РТ. По мнению татарских экспертов, «сегодня в республике ваххабитами реализуется ингушско-дагестанский сценарий: то, что происходило на Северном Кавказе 10–15 лет назад, сейчас осуществляется в Поволжье. Первый муфтий Дагестана был убит в 1998 году. После этого было убито свыше 50 муфтиев, их заместителей и известных имамов, придерживавшихся традиционного для Северного Кавказа ислама»⁵.

Итак, в Республике Татарстан сформировались устойчивые салафитские

группы, а в настоящее время экспертами прогнозируется процесс «растекания» фундаментализма по Поволжью, Уралу и Западной Сибири, как это произошло уже на Северном Кавказе. При этом вышеуказанные группы рассматривают себя как устойчивые сообщества, четко осознающие свою специфику, свои интересы и возможности их отстаивания, используя в этих целях правозащитные и юридические средства. Впрочем, этот путь уже прошли их северокавказские единомышленники, сформировав целый ряд таких правозащитных организаций. Например, в Дагестане уже в первой половине нулевых были сформированы каналы легальной поддержки деятельности вооруженного экстремистского подполья через общественные объединения. Самым известным из них стала организация «Матери Дагестана»⁶. Лидеры этих организаций поддерживают контакты с экстремистами, подвергают резкой критике деятельность правоохранительных органов, обвиняя их в массовых нарушениях прав человека и гражданина. Такая позиция формирует у населения мнение о том, что якобы неоправданно жесткие действия правоохранительных органов являются одной из основных причин, побуждающих молодежь пополнять ряды боевиков. Более того, по мнению некоторых экспертов, в России сложилось устойчивое и влиятельное «исламистское лобби»⁷. Пользуясь этим, «салафитское крыло мусульман опробовало в разных регионах новый для них формат легальных митингов, мобилизуя на них своих сторонников и пытаясь озвучить поднятую ими тему “гонимый на ислам” в России в федеральном масштабе»⁸.

Следующим этапом «растекания ваххабизма», по нашему мнению, следует счи-

¹ Моджахеды Татарстана признали своим лидером Доку Умарова // Тема Казань: интернет-сайт, 2012, 27 июля; <http://www.temakazan.ru/news/crime/item/4819/>

² Гордеев Я. На пороховой бочке: откуда в Поволжье террористы // Новое время: интернет-сайт, 2011, № 29, 12 сент.; <http://newtimes.ru/articles/detail/43421>

³ Гарсиа Р. Волга впадает в Аравийское море: маленький оплот религиозного экстремизма в Татарстане // Эксперт, 2012, 15 окт.

⁴ Сулейманов Р. Исламский терроризм в современном Татарстане: ваххабизм на практике // Агентство политических новостей, 2012, 25 июля.

⁵ Там же.

⁶ См. об этом: Мурклинская Г.А. Сетевая война против России на Северном Кавказе: реальность и перспективы. Исламский фактор на Юге России // Южнороссийское обозрение, 2012, вып. 72, с. 22–33.

⁷ См., напр.: Амелина Я. Кровь муфтия Татарстана и его заместителя на руках тех, кто не признавал исламистских настроений в республике // ИА REGNUM, 2012, 20 июля; Сулейманов Р. Исламский терроризм в современном Татарстане: ваххабизм на практике // Агентство политических новостей, 2012, 25 июля.

⁸ Мальцев В. Ислам зачищают от нелегалов. Государство расширяет силовую поддержку официального духовенства // НГ-Религии, 2013, 20 февр.

тать укрепление позиций его адептов в «мусульманских анклавах», появившихся и укрепившихся в последние годы в некоторых российских мегаполисах. Впрочем, такие «анклавы» уже давно сложились в некоторых европейских государствах, например во Франции, а потому их опыт может оказаться полезным и для России¹. Европейские реалии свидетельствуют о том, что этнически и религиозно однородные общины мигрантов активно и достаточно успешно формируют «анклавную» среду обитания, которая тяготеет к тому, чтобы локализоваться в соответствующих территориальных границах, а центром их сосредоточения, как правило, выступают мечети или молельные помещения. Одновременно одним из последствий появления подобных «анклавов» становится криминализация и религиозно-политическая радикализация некоторой части мигрантов, что неизбежно приводит к появлению латентных очагов социально-политической конфликтности в достаточно продолжительной перспективе, к их неизбежной конфронтации с местным населением. По нашему мнению, говорить в данном случае о толерантном «евроисламе» не приходится, скорее речь идет об исламизации Европы, причем в самых опасных формах. События первых лет нового тысячелетия в Испании, Великобритании, Франции и других европейских странах рельефно подтверждают этот тезис. Как следствие, в последние годы европейские политики в унисон заговорили о провале идеологии и практики мультикультурализма в Европе, о несовместимости исламизма и западнолиберальных ценностей.

Аналогичные «анклавы» появились и в российских городах, и результаты этого не замедлили проявиться. Например, в ходе проведенной 8 февраля 2013 г. представителями силовых структур Санкт-Петербурга операции в молельном помещении одного из городских рынков, а также в домах и

на частных квартирах было задержано несколько человек, которых обвинили в распространении материалов религиозно-экстремистского характера. Всего, по официальным данным, был задержан 271 чел., 90% из них оказались иностранцами, в т.ч. иммигрантами из Афганистана и Египта. Судя по информации, озвученной СМИ руководителем пресс-службы УФСБ по Санкт-Петербургу и Ленинградской области Д. Кочетковым, характер исламистской угрозы в регионе сопоставим с северокавказской ситуацией: «В ходе операции были задержаны... приверженцы радикальных течений ислама, представляющие угрозу государству, которые отрицают светскую власть и стремятся к халифату»².

Таким образом, в постсоветский период вследствие ослабления институтов государственной власти Российской Федерации под сильным внешним воздействием наблюдался неуклонный процесс политизации и радикализации ислама и исламских группировок, появления и институционализации на территории страны нетрадиционных исламистских течений. Этот процесс усугублялся слабостью и разобщенностью традиционного и официального российского ислама, реализацией сепаратистских проектов в некоторых регионах страны, прежде всего на Северном Кавказе. В силу целого ряда причин, объективных и субъективных факторов на территории России возникли и окрепли устойчивые группировки радикальных салафитов, прошедшие институционализацию первоначально в некоторых северокавказских республиках. Впоследствии произошел процесс «растекания джихада» практически по всему Северному Кавказу, а в последнее десятилетие складываются предпосылки для создания радикальных салафитских группировок в Поволжье, на Урале и в Западной Сибири, а также появления их в «мусульманских анклавах» российских мегаполисов.

¹ См.: Добаев И.П. Исламизация Европы: миф или реальная угроза? // Мировая экономика и международные отношения, 2008, № 4.

² Мальцев В. Указ. соч.